
РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Владимир Лазарев
(г. Монтейн-Вью, Калифорния, США)

ЕГОР ТАЛАНОВ, ТУЛЬСКИЙ МАСТЕР
(Были тульской старины — повесть в стихах)

Владимир Яковлевич Лазарев родился в 1936 г. в Харькове. Окончил Тульский механический институт. Известный тульский поэт и прозаик (книга «Тульские истории»). Автор многих стихов, положенных на музыку Марком Фрадкиным, Евгением Догой и другими композиторами. С 1999 г. живет и работает в США. В России Владимир Лазарев более всего известен как автор слов песни «Березы» (музыка М. Фрадкина) из кинофильма «Первый день мира». Для первой публикации предлагаемой ниже читателям повести в стихах «Егор Таланов, тульский мастер» Владимир Лазарев выбрал журнал «Приокские зори».

Пролог

Не торопите мастера, он весь
В работу несказанную погружен,
Ему свободный ток мгновений нужен,
К нему летит о совершенстве весть.

Он весь — сосредоточенность и зренье,
Он связи ткёт, соединяет звенья
В живом круговращении земном;
Он ощущает сладостное бремя —
Не внешнее, а внутреннее время,
Непостижимо замкнутое в нем.

1

Чудес немало высшей пробы
На свете — так уж создан свет.
И в тульском мастере особый
Живет мерцающий секрет.

А в мастерстве — и честь, и совесть,
И страсть, и тяга с ветерком...
И эта маленькая повесть
О нем, о мастере таком.

Он освещен двадцатым веком
И поколений чередой:
Казюк — казенный человек он,
Но со свободною душой.

Над ним ветра шальные дули,
Они в дугу железо гнули,
Но мастер не снижал в беде.
Он был рожден в старинной Туле,
Он жил в Чулковской слободе.

Твердят, что у судьбы нет правил:
Судьба темна... Что нами правит?
Он тягой рода был движим,
Ведь был еще Егора прадед —
Гравер, по имени Любим.

Любим Таланов — прежде плотник,
Резное дело в голове
Цвело: наемный стал работник —
«Ярыжный деловец» в молве.

Был подмастерьем, стал гравером,
Металл расцвечивал узором.
Все это делалось нескоро,
Непросто: многое умели
Когда-то в старом тульском деле.

Все надо точно примечать:
Искусно «резать — расцвечать»,
Взрастить свой стиль — свою печать.

Чтобы рисунок просиял,
Как луч, сияющий над хмарью,
Он на металле вытравлял
Его венецианской ярью.

В декоративном деле строгом
Сок клюквенный был на подмогу.
И для поверхности резной
Необходим был воск смазной.

Жив в мастерстве рабочий гений,
Какое дело ни затронь,
И выпуклых изображений
Влечет «обрань или обронь» ...

Люблю неведомое слово,
Горящее живым огнем.
Его нам сберегла Щеглова
В чудесном словаре своем.*

И вовсе не отпетый прах,
Живая жизнь — в былых словах.

Чтоб глянец навести, как встарь,
Нужна и нынче киноварь.
И, как когда-то, скажет кто-то,
Взглянув: «Отменная работа».

Егор Таланов жизнь любил,
Слова старинные копил,
Чтоб, тронув рудную струну,
Измерить жизни глубину:

Являлись в сущности своей
Живые лики прежних дней.
О, как они нам все нужны
В сияньи молодой весны!

2

Мужей ученых слышу ропот.
Но я не делаю подкоп:
Бывает, вместо «микроскопа»
Сказать приятней «мелкоскоп».

Себя полакомить спешу
Лесковским сказом про Левшу
И истине нетленной в честь
Вторично этот сказ прочесть.

Таланов и его друзья
Так сделали, и — впрок, не зря.
Лескова тайну разглядели —
В чем сказа суть на самом деле:
Совсем не в том, чтоб англичан
Враз перепрыгнуть — то дурман! —
И удивить весь белый свет,
Что мастеров превыше нет!

Стучали чутко молоточки —
В подковки малые гвоздочки
Вбивали, попадая в точку,
Как говорят, не в бровь а в глаз...
Такое дело: это — Сказ.

* Н. А. Щеглова «Технический словарь тульских оружейников XVII—XVIII веков». — Москва 2004 г.

Блоху туляне подковали,
Но в ней живой завод сковали
И обездвижили блоху:
Лежит застывши на боку...
А ведь до этого плясала,
Изобретеньем изумляла!
И можно было то суметь
Лишь в микроскопе разглядеть.

Царь забавлялся наверху:
— Знай наших! Подкуем блоху!

А танец невозможно впредь
Под микроскопом углядеть.

И жаль тех тульских мужиков,
Великославных казюков:
Что зря сноровкою сверкать,
Как если б в кузне у огня
Лихого подковать коня,
Да так, чтоб перестал скакать!

3

Какой завет владел Егором,
Какая в даль вела стезя?
Как прадед, был Егор гравером,
Граверы — и его друзья.

В своих друзьях души не чаял
(Талант дружить ему был дан):
Один из них — Кузьма Нечаев,
Другой Потехин был, Демьян.

Кузьма плечист, знать крепок корень
Приметливый и точный глаз,
Горазд в работе и упорен.
Демьян же худ и долговяз,
Чуть что — в свободную минутку
Гармонь берет и — на крыльцо.
На песню легок и на шутку
Да и на красное словцо.

Смеется сам, мол, в этом сила:
Чтоб зеленело деревцо,
Восходит красное светило,
Сияет красное словцо.

И был он отроду затейник,
Как старший брат, тот — коробейник.

Не городской он, из крестьян —
Веселый песельник Демьян,
С какой-то родниковой силой,
Ухватист в деле, но смутьян,
По кличке уличной — Красивый.
Говаривал: «У нас в Страдани
На семерых — одни-то сани.
О ней молось: «Счастливой стань!»
Россия наша вся — Страдань».

Гравером стал, глаза живые,
Уж как сумел в былые дни?! —
Иглой прошел в мастеровые
Он без особенной родни:
Был родственник — вода седьмая,
Как говорят, — на киселе.
А так все сам и не умаян, —
На острие, навеселе...

Он был еще в деревне — резчик,
Узоры всюду рассевал:
Мороз на кроснах рисовал,
Цветами окна обвивал,
Конька на крышу вырезал, —
Все украшал: избу и вещи.
Отец был резчик, дед был резчик...
И был ему еще завещен
Дар деревенских запевал.
Коль час неровен наступил,
Кузьму с Егором веселил.

Был человеком без обманов
Бесхитростный Егор Таланов,
А потому как не для свар
В нем жил умельца Божий дар.

Посмотрит он, как будто обнял,
Всегда приветлив и не груб.
Егора мужественный облик
Был многим на заводе люб.

Румянец смуглый — дар весны,
Не каждому такой дается.
На щеках ямочки видны,
Когда он шутит и смеется.

И при знакомстве с первой фразы
К себе располагал он сразу.
Темноволос, зеленоглазый.
Походка быстрая легка.
И волос — вьющийся слегка...

И на пиру, вина хлебнувши,
Он простодушно веселел.
И вдруг, лукаво усмехнувшись,
Сам про себя частушку пел:
— Как пошел Егор за город
Объегоривать народ,
А попал Егор на вора,
Объегорили Егора.
Жизнь, она ить без разбора
Едет задом наперед!
Тут Демьян не умолчал —
В тон Егору отвечал:
— Узелок вяжи на память,
Раз такие, брат, дела:
Объегор — не тульский пряник,
Не белевска пастила!

Кто знает, ради ли потехи,
Иль, может быть, всерьез весьма
Кузьме твердит Демьян Потехин:
«Пора жениться нам, Кузьма!
И чего таить греха,
Позовем-ка сватью.
С головою петуха —
Нам пирог на свадьбу.
Да чтоб было без заминки,
Хорошо бы — на Кузьминки*.
Так, чтоб крепко нас любили
И вовек не подкузьмили».

4

Все тайным зреньем примечая,
Хоть всяк на свой манер остер,
Работали Кузьма Нечаев,
Демьян Потехин и Егор.

До них докатывалась слава,
К ним приходили из былин
Батищев Яков и Захава,
Леонтьев, Латов и Сурнин...

Подкову откуют на счастье,
Каленым словом подкуют,—
Демьян Потехин тут как тут.
(На этот счет был тоже Мастер —
Балакирев, петровский шут.)

* Кузьминки — старинный народный церковный праздник в честь святых Кузьмы и Демьяна, по преданию — кузнецов бессребреников.

И посейчас еще старушки
Укажут, веруя сполна,
В Заречье: вот она избушка
Балакирева — в два окна! —
Не где-то, мол, а только тут
Родился наш великий шут.

Петра-то памятником славят:
Царь встал, на молот опершись,
Шутам же памятник не ставят:
У славы их иная жизнь.

Да что там шут!.. Скажу, не скроя,
Какой же, право, здесь секрет:
Левше на родине героя
И то ведь памятника нет.

Средь переменчивых ветров
В чем память — слава мастеров?

Она мерцает под резцами
Классическими образцами,
Приоткрывая в Вечность дверь,
Как понимаем мы теперь.

А что Егор наш поминал,
Как труд свой тихий понимал?
Он говорил: «Природа с нами».
Жизнь излучал его орнамент.

Одним усердьем и пристрастьем
Орнамента не заживить,
Нет, искру надобно в пространстве
Словить и Время природнить.
(Не природнишь,
И будет Время
Колоть тебя
Нещадно в темя
И, укрошая,
Разрушать,
И не давать тебе
Дышать...)
А как преодолеть боленье
Души?.. Узоры в естестве
Задышат, коль пойдет биенье,
Биенье жизни, как в листве
Большого древа... Свету литься
И серебриться сквозь века:
В гравюрах небо и река,
Трепещут травы, вьются листья,

Как бы в полете ветерка...
И нутряной возникнет свет.
И этому названья нет...

* * *

Друг Демьян, веселый мастер,
Гравировает от души
Всем охотникам на счастье
Уток, псов и камыши.
И кудрявый лист кленовый
Режет, как в частушке слово.

А Кузьма — характер цельный,
Он, как вся его родня,
Кого любит, кого ценит,
Хмуρο знает про себя.
Плотно ставит к слову слово,
Основательность — основа:
На металле — лист дубовый
Вырезает, лист суровый...

А Таланов?.. Друг-приятель
И Демьяна и Кузьмы...
«Ну, Егор открыт, понятен!» —
Молвят шустрые умы.

Нет, постой! Друзья реально
С ним ходили по земле,
Скажут пусть из дали дальней
Про Егора.
Кузьма Нечаев
Натурально,
Он — Георгий в ремесле.
Демьян Потехин
Что сказать мне вам, ребята?
Жили-были мы когда-то.
Он?.. Бывал и немудрой,
С полслова не заводной,
Но отмечен был судьбой:
То — как мы, а то — крылатый,
Все, как мы, да — не такой...

* * *

И так все трое жили-были
В том заводском потоке дней.
В Щегловской засеке ловили
Щеглов. И к радости своей
Держали милых голубей.

И исчезали все печали
В воркующих тех голосах.
Волнуясь, голуби взлетали,
Теряясь где-то в небесах.

Чтоб разглядеть, где в небе птицы,
Как голубятник записной,
Егор наш малое корытце
На воздух выносил с водой.

И отражались в той воде
Они, не зримые нигде:
Он так следил за малой стаей,
Что в солнечных, лучах летая,
Исчезла, словно бы растаяв,
И возвращалась, вырастая...

«Вот так же, — он смекнул случайно, —
В микрогравюрах скрыта тайна».

5

Пришла к Егору неизбежно
Пора любви, пора надежды.

Он ждал Любовь, ее он жаждал.
И снится сон ему однажды.
Был сон Егора, скажем смело,
Далеким от земного дела:
В тот странный сон явилась дева,
Его волнуя и тревожа, —
София в ней — Премудрость Божья:
Туманный образ был неясен,
Но был приятен и прекрасен.

О, эта радость высоты!
Егор он вовсе не безбожник:
Жило в нем чувство красоты.
Он был гравер, он был художник.

Он ждал... Но время проходило,
А встречи не происходило.

Июньским днем зеленым, ярким
Нечаянно на взгорье, в парке
Егор вдруг повстречал ее,
Виденье вспомнил он свое.
«Она!» — в душе его сверкнуло.
«Она!» — светлее стала Тула.
Все новым светом озарилось
И словно бы преобразилось.

Егор взглянул: как с неба облак,—
Прекрасной незнакомки облик!

Он замер сразу, не дыша,
Но мимо девушка прошла,
Как показалось, безразлично.
Полгода минуло... Вторично
Он увидел ее... Вольней,
Зимой, в один из белых дней
Вдруг подойти решился к ней.

Она была совсем не их —
Не из среды мастеровых:
В ней жил иной какой-то стих.

Не стала молодцу перечить
Она... И зажились встречи.

Была таинственна и нова
Ему Наталья Бобринева,
В его душе вошла она,
Как несказанная весна.

Горел огонь в ее натуре:
Учить детей литературе
Великой, той, что на века,
И властной силе языка
Родного, русского, который
Всею основа и опора.

И этим всем она лучилась.
Сама же музыке училась.

И музыка в душе Натальи
Жила с поэзией в родстве:
Такие открывались дали
В ее девичьем естестве!

И к обедневшему дворянству
Принадлежал ее отец.
Тот род, ценивший постоянство,
Считал: оно всему венец.

Не ощущая превосходства,
Не ставя вверх родство свое,
Жило в Наталье благородство,
В душе и облике ее.

Казалось, сам Господь причастен
К их встрече: Радость! Праздник! Счастье! —

Так думал по ночам Егор,
Покой забывший с этих пор.

Она, любовь пришла коль скоро,
Читала Пушкина Егору,
Жуковского... Сияла в ней
Поэзия минувших дней,
В которой Лермонтов и Тютчев —
Плеяда всех певцов могучих.
Егор с Натальей были званы
На этот сокровенный пир.
Любили Ясную Поляну,
Где правдой жег толстовский мир.
Идущий встречь старик недаром,
Взглянув на них, промолвил: «Пара!»
Сказал, как бы само сказалось,
Как будто счастье предвещалось.

Наталью трепетно встречая,
Егор наш в ней души не чаял.

Он ждал желанной встречи часа
Придет она — его краса:
Неповторимого окраса
Лучисто-серые глаза.

Спустясь знакомою тропею,
Они стояли над Упою.
И речка тихая текла,
Не знаменита, но светла.

Настал тот вечный миг тревожный.
Луной сияла высота.
Он страстно, нежно, осторожно
Поцеловал ее в уста.
Сквозь лунный свет и полутьму
Она ответила ему.

В прохладном токе вешних струй
Расцвел их первый поцелуй.

И жизнь, и ночь — все было тайной,
Волшебной тайной полуснов,
И смутны были очертанья
Лица и очертанья слов:
Рука — с рукой,
Река — с рекой,
Судьба — с судьбой,
И я — с тобой.

Наташу — всем друзьям известно —
Егор считал своей невестой:
Наталья Бобринева с ним
Жила сочувствием одним.

Большие планы вырастали!
И вместе радостно мечтали,
Егор и жизнь его — Наталья,
Что проведут на Черном море
Медовый месяц, на просторе...

Казалось, вот уж свадьба скоро!
Судьба нежданный путь торит:
Не отдавали за гравера —
Не знатен и не родовит.

Любовь вдруг стала расторжимой,
Когда сошлась лицом к лицу
С бабулей, с матушкой родимой,
С повиновением отцу.

Наталья власть семьи узнала,
Того, что не подозревала.
Совсем не видя в близких зла,
Власть эту не превозмогла.

Приняла чуждый ей мотив,
Порывы сердца укротив.
В душе возникла рана... Знать,
С родными не смогла порвать.

Невольно выросли барьеры,
И выдали ее свои
За молодого инженера
Из окружения семьи.

Не примираясь с жестокой новью,
Она, обидою дыша,
Рассталась с солнечной любовью,
За нелюбимого пошла.

Не знала в горести своей,
Как жить ей, как учить детей...

Что делают не понимают,
Когда, твердя: «Не прекословь»,
На белом свете разлучают
Большую светлую любовь!

И словно кто-то тучей застил
Перед Егором белый свет.
Он стал угрюм. Он с горя запил:
Раз счастья нет — и жизни нет.

И дни бесцветные настали,
И стало хмурым все окрест.
А что Наталья? Как Наталья?
Как ей нести свой тяжкий крест?

7

Но все ж, испытывая муки,
Он взял себя сурово в руки,
С беспутным пьянством завязал.
Орнамент строго вырезал.

Но нужно, чтобы дальше жить,
Боль самопервую избыть.

Егор, он не был ворчуном
И вовсе не был драчуном.
Сейчас же страсть его тащила
Туда, где сила шла на силу,
Где шли кулачные бои...
Себя ли Тула веселила,
Отдав им пустыри свои?

...Вот сходятся. Чернеют группки
Кулачный бой. Лед. Снег. Зима.
Вот скидывают полушубки
Демьян, Егор и вслед Кузьма.

И надо бой вести с прикидкой,
Чтоб одолеть: он хитрый бой!
Недаром сила всей Никитской
Сошлась с Чулковской слободой.

А поначалу, поначалу —
Все было, как по ритуалу, —
И начиналось с битвы малой:
Взъерошенные, как птенцы,
Шли друг на дружку огольцы —
Свой дух братва разогревала.
Потом уж битва закипала —
Вступали старшие бойцы,
И подо льдом Упа дрожала.
А напоследок — дух гори! —
Сходилися богатыри.

Егор шел в бой, и кровь пылала,
Ярилась кровь, а глаз темнел.
Прицельно бил и, как попало.
В бою и вкось, и вкривь мотало
В приливе тел, в отливе тел.
Демьян разбойничьи свистел,
Да так, что жутью обдавало.
Худой и верткий — левой бил,
Отскакивал и вновь бросался,
Заманивал, кричал, дразнил,
Да на удар не попадался.
Тычками частыми дробил
И словно боем забавлялся.

Кузьма, тот как бы невзначай,
Легко валил — его боялись.
Когда сойдутся, дожидались,
Крылов Петруша и Нечай?

Вершинный бой: Крылов — Нечаев,
Вот страсти будут где!..
Но вдруг Кузьма угрюмо замечает:
Егора трое взяли в круг.

Егор рванулся было... Где там ! —
Не вырваться. Удар — в удар,
И тот исподтишка, отпетый
Свинчаткой... И Егор упал.
Его — ногами... Может статься,
И душу изронил бы он,
Когда б Кузьме не догадаться,
Не изловить егоров стон,
Егоров сон, почти присмертный.
«За что ж его вы, братцы, так?» —
Размах у Кузи неприметный,
Но тяжелой меткости кулак,

Струхнули, разбежались тати.
Кузьма — к Егору!.. Тот лежал
На льду, пыл жизненный утратив,
Ни льду, ни сну не возражал,
Ни той невнятной тяге смерти —
На том ли этом берегу? —
Лицо поблекло. Веет ветер.
И кудри темные в снегу.

«Егор, Егор!..» Неужто крышка?
Какие тут еще слова!
Кузьма прильнул к нему: не дышит,
Аль дышит? Но едва-едва.

Демьян явился, смотрит дико.
Кузьма
Достать бы спирта.
Демьян
Мы — зараз.
Не зря я эту флягу, гли-ка,
Для поля бранного припас.

Виски и грудь дружку растерли.
Разжали зубы, влили спирт.
И точно хрип какой-то — в горле,
Какой-то вздох... Но все в нем спит.

Кузьме и то вдруг стало шатко,
Перекрестился: «Вот беда».
Заметил в отдаленье шапку
Егорову, поднял со льда...

* * *

Другой бы вынести все смог ли?
Он тяжким воспаленьем легких
Переболел, все одолел
В больнице, страшно похудел.

Но ожил все ж... И воздух банный,
Сухой туман в парной; желанный
Березовый душистый лист —
И веника нахлестный свист;
Малина с дальнего угора —
Все на подмогу шло Егору,
Чтобы поднять, чтоб освежить.
И в нем все начинало жить.
И было все как раз и в пору:
И молока парного кружка
Была, как верная подружка,
И мед, разбавленный в корце...
Вот свет прибавился в лице,
Вольнее стал в закруте волос,
Глаз зеленей и крепче голос.

Не дался смерти наш герой,
Встал крепко на ноги Егорий.
— Ну что, живой?
— Видать, живой.
И вот он уж с Демьяном в споре
По заковке по любой.

Забыл про хворь. Одна лишь малость —
Навечно ссадина осталась
Пониже левого виска,

Да веко дернется слегка,
Когда превыше сил усталость.

Но он, Егор, не возражает,
Когда друзья про ту беду
Сойдутся и соображают,
За что его тогда — на льду?
Демьян
Мож, кто поставил четверть водки?
Кузьма
А обознаться ль не могли?
Егор не лют... А те, как волки,
Отделали и утекли.
Уж в горле хриплый колоколец
Почудился — тот крайний край.
И все мне остро память колет:
Где их встречал я невзначай?

Демьян хмелел и, чуть не плача,
Кричал: «Меня запал унес,
Подмог бы, да не случай, значит.
Прости, не видел, — я горячий, —
Как ты Егор ко льду прирос.
Подбег, ну вижу, дело — дрянь...
А то, брат, съездим к нам в Страдань:
Там ягода — не то, что здесь,
Да у меня сестрица есть.
Красава с золотой косой.
Не породнится ль нам с тобой?»
(поет)
Красная калина,
Красная калина
Да в лесе стояла,
Ой, в лесе стояла,
Весь лес украшала.

Красная калина
Весь лес украшала,
Весь темно-зеленый —
Красная калина
Ой, да весь украшала.

А песня тоже ведь врачует,
Таланов это сердцем чует.

То разливаясь, то стихая,
От корня и от родника
Взлетала песня. А такая
Не подведет наверняка.

Он слушал песню, вспомнить силась,
Что виделось ему на льду,
Мерещилось в дыму, в бреду.
И вспомнил разом: птицы снились.
Они не вились, не носились
В бору, в снегу, среди ветвей.
И вдруг к нему на грудь спустились
Пять красногрудых снегирей.

— Кузьма, скажи к чему бы это:
Пять снегирей — в глуши лесной?
Кузьма помедлил чуть с ответом.
— Понятно, к жизни, коль живой.

8

Год пролетел. Еще полгода.
Запомнил хмурый день Егор.
Он шел и во дворе завода
Услышал чей-то разговор.

Как птица, выпорхнуло слово,
И весть дыханье обожгла:
«Ты знаешь, дочка Бобриневых
Вчера при родах умерла».

Егора, точно подстрелили,
И помутился белый свет.
И он представить был не в силе,
Что на Земле Натальи нет.
Ни рядом, ни на расстоянье,
Не услышать ее слова,
Не ощутить ее дыханья,
Ее живого существа.

Надеялся он раньше втайне,
Что встретятся они случайно,
И несмотря на все напасти
К ним все-таки вернется Счастье.

Он однолюбом был, недаром
В дороге памятной земной
Ему была Наталья парой,
Одна, не кто-нибудь другой.

.....

Ее, чей образ он хранил,
С ее друзьями хоронил:
Средь молодых учителей
Он был в процессии ничей.

Он ей последний долг отдал
И в хладный лоб поцеловал.
Успокоенья не нашел.
Но на поминки не пошел.

.....

И всеми явьями и снами
Не мог он эту смерть принять:
Живое остается с нами,
Его и смертью не отнять.

Он переехал жить в Заречье —
Быть от завода недалече:
Дом, сад при доме небольшой,
Где можно отдохнуть душой.

И слушал после трудных дней
Он воркованье голубей.
Когда те голуби взлетали,
Он часто вспоминал Наталью.
Там, в небе синь и тишина,
И видит голубей она!
И, словно бы надежный штурман,
Сам уходил он в высоту,
Когда его любимый турман,
Взмыв, кувыркался на лету.

Он, не расставшийся с бедою,
Но подчиняясь естеству,
Ушел в работу с головою
И весь отдался, мастерству.

Даря дыхание металлу,
Не отстраняясь от маяты,
Егор в своих гравюрах малых
Искал натальины черты.

И трепетно, без слов порожних
Он раскрывался как художник.

Сначала грифелем, неброски,
Он делал робкие наброски
На малых и больших листах,
Все вновь и вновь — не впопыхах...
«Получится ли?» — мучил страх.

И в «высечке» был тоже сбой.
Он не доволен был собой:
Не возникало красоты —
Не те глаза, не те черты.

И в нем сильней, чем ремесло,
Желанье музыки росло.
Не сладкопевец, не буян,
Он приобрел себе баян,

Баян ведь не простая штука,
Им овладел он самоукой.
Он кнопок проходил ряды,
Искал прекрасные лады.
Еще и этот чудный дар —
Ему был от природы дан.

К баяну-другу привязаться
Успел он среди многих дел.
Жаль, что своих импровизаций
Записывать он не умел.

Егор предчувствовал едва ли,
Что обретет такой настрой.
О, как хотел бы он Наталью
Порадовать своей игрой!

Он вовсе не имел в расчете,
Что музыка в его заботе
Вдруг явит новый ход работе!..
Егор и не осознавал,
Что сам себя перерастал.

9

Воскресное настало утро.
И ветерком свежо и смутно
Егору сад в лицо дохнул,
Мол, как ты мастер отдохнул?

Есть у деревьев тоже лица.
Доброжелателен и строг,
Он вглядывался в каждый листик
И каждый чувствовал цветок.

Береза, чуткая осина —
Белесый ствол, зеленый ствол.
И запахи цветов и смол;
Пять яблонь, вишня, куст малины;
И липа. И под липой — стол.

В дыханье света и тепла
Гостит залетная пчела.

А чуть поодаль — голубятня.
(Она для туляков занятней!)

И этот сад при доме малый
Был так ему необходим,
Средь жарких лет и снежных зим
Душа здесь радостью дышала.
Живи и мастерством играй!
Дошатое строенье — с краю —
Там сотворен нехитрый рай,
Ну а точнее — мастерская.

Там молча постоит сперва,
Верстак свой оглядит пристрастно
Там все секреты мастерства
И тайны все почти подвластны.

Там остается он один —
Часы испытанного счастья.
Не то чтобы он господин,
Но сам большой Умелец. Мастер.

И тягой медленной влеком,
Он сам себе сдает экзамен.
Склоняется над верстаком,
Выводит собственный орнамент.

Не так, как в будни заводские,
Привычки здесь совсем другие:
Великим чувством обуян,
Он раскрывает свой баян.

И наслаждаясь, замирая,
Сперва он полчаса играет.

Воспламененный той игрой,
Высокий обретает строй:
Возникли легкость и отвага,
Иная страсть, иная тяга.
Резец послушен при отделке,
Все музыка, как предрекля:
Взгляд брал тончайшие оттенки,
Сверхточно двигалась рука.
Накатывало вдохновенье —
Особенное настроенье —
Всевышней жизни нестаренье.
Лица живое выражение —
Все переливы уловить,
И свет, и Божье откровенье
В работе радостной продлить.

И в нем играло напряженье!

Он рад был этому всему.
И Кто-то говорил ему:
«Не останавливай Мгновенье;
Продли живое восхождение,
Создай великое творенье!»

.....

И поиск линий, как созвучий,
Годами мастер продолжал.
К себе он относился круче,
Свой нор в этом выражал.
Прозренья луч ловил летучий.

И сделал наш герой при этом
Отменных несколько портретов.
Подумал горько: «Все не то!
Я не справляюсь с высотой,
А потому, что не святой».

И приходил он на могилу
Своей единственной и милой.

И словно дал обет какой:
Всем тем, кто в участи земной
К его услугам прибегал,
Он безвозмездно помогал.

10

А на завод к ним с неких пор
Пришел еще один гравер,
Способный малый — с ветерком,
Петруша, некто Мастерков.
Фамилия — молва гласила:
Ему и вправду подходила.
Он бойко делу научился
И даже вскоре отличился.

Он, старца одного растрогав,
Купил задешево пантограф*
И, как на крыльях, стал летать,
Что говорится, процветать.

Петруша шустрый был повеса,
Его на щит подняла пресса.

* Пантограф — хитроумное старинное приспособление, действующее по принципу особого копировального устройства: большим незаточенным подобием резца водится по очертаниям изображения на листе бумаги обычного формата. Это движение передается малому резцу, который в это же самое время режет — повторяет рисунок на металлической пластинке. Изготовленная таким образом микрогравюра получается не столь совершенной, не столь изящной, как при непосредственной ручной работе. Изображение на металле выходит грубым, удивляя лишь своими микроразмерами. Но зато таких подделок может быть получено много и в короткий срок.

Газет известных празднословы
Все восхищались Мастерковым,
Писали про него всерьез:
«Вот новый мастер — виртуоз!»

Петруша, занят делом мелким,
Распространял свои подделки,
Успешно ими торговал,
Накапливая капитал.

И говорил он, как пророк:
«Теперь уж скорость — это Бог!»

Егор же был всегда в тени,
Любя медлительные дни.
Просил он Бога: «Боже правый,
Спаси нас от фальшивой славы!»

Егор не упивался бездной
Нажив и жадности не знал.
Он выбрал добровольно бедность
И никогда не унывал.
Был крепок духом. Правду знал:
Хотел не хлебом жить единым.
Егор мог быть не раз любимым,
Но проходил всех женщин мимо.
Его считали одержимым
Все, близко знавшие его.
Правы, не скажешь ничего.

11

И, отдающийся кручине,
Но продолжая путь земной,
Женился он на тихой Нине,
Заботливой и пожилой.

Не то, чтоб мог сойтись с любовью:
Егору по сердцу жена,
Но той пожизненной Любовью,
Сияющей была одна.

И вот уж через много лет
Он завершал ее портрет.
Он осознал миров всецелость,
Явилась золотая зрелость.

Чтоб постижение настало,—
Душа была светла, тиха,—
В знакомом лике не хватало
Еще какого-то штриха.

Еще суметь бы в дымке зыбкой
Изобразить ее улыбку:
Непостижимая, она —
Как бы видна и не видна.

Он жаждет это передать,—
Лицу таинственность придать,
Которая спервоначала
Ее от смертных отличала.

Он приспособил освещение:
Да будет легкое свечение —
Живой, телесный, чистый цвет!
А в чем секрет?.. Ответа нет.

И не был день осенний скудным.
Рисунок с помощью резца
Он завершил... И стало чудным
Возникновение лица.

Когда оно ему явилось
В гравюре из небытия,
Смотрел, дыханье затая,
И только сердце чаще билось...

Кто глянет, глаз не оторвет:
Все дышит, движется, живет —
Какая грусть!.. Какое счастье!..
Да он и сам — бессмертный мастер!

Три дня прошло, приснился сон
Таланову: он был смущен —
Какой-то странный почтальон
Вдруг разыскал его чуть свет
И заказной вручил конверт.
Письмо то было от Натальи,
(Но ведь она — за дальней далью!) —
Пришло до наступленья дня:
«Прости Егор... Прости меня,
Что я сломала жизнь твою,
Прости... Я так тебя люблю!»
Знакомый почерк окрыленный!
И он заплакал, как ребенок,
Во сне, а думал — наяву:
«Живая ты! — И я живу».

Эпилог

Он в замысел явился мой,
Расстаться с ним в моей ли власти?
Он вовсе не мастеровой,
А гениальный русский мастер.

Егор Таланов,— мы к нему
Ходили, оробев отчасти,
Егор Сергеич,— честь уму! —
Был с нами прост старейший мастер.

Никто из нас не знал тогда,
Жила в нем сокровенно тайна:
Его мелькнувшая звезда,
Его любовь, его Наталья...

У всяких сил есть свой предел,
Егор не сделался угрюмым:
Он сделать вовремя успел
Все то, что жизнью всей задумал.

Он был внимателен и строг,
Хоть не имел он голос вещий.
Запомнил я его урок
И им сработанные вещи,
Узор и тонкую резьбу,
Прекрасные живые руки,
Всю жизнь не ведавшие скуки,
И всю, и всю его судьбу...

И нам явился в дымке лет
Плод непростого вдохновенья —
Тот потрясающий портрет,
В котором — Божье откровенье

Потомок, радостный иль хмурый,
Возьмет — так представляю я —
Тончайшие микрогравюры,
Как часть земного бытия
И, скажем прямо, избытья:
В них свет небесного наитья.

19 мая 1979 г.— 3 июня 2013 г.

Игорь Карлов
(г. Мапуту, Мозамбик)

В ОЖИДАНИИ СУДА

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Возвращение в родной город оказалось безрадостным. Полгода назад Саня уезжал отсюда на кураже, поскольку его ждала Москва, где подвернулась вакансия в популярном издании с легким налетом аналитики, но при этом падком и на скандалы. А вернуться пришлось добровольно-принудительным порядком: одно неоконченное дело потребовало присутствия подающего надежды журналиста на малой родине. Дело каверзное. Судебное дело.

События развивались так. Уже зная о предстоящих переменах в судьбе, Саня одну из последних своих статей в областном еженедельнике, где тогда работал, сделал острокритической по отношению к местной администрации. Вообще-то, в провинциальных СМИ это не принято. Когда ты надеешься с прибылью продавать землякам нафаршированные мусором рулоны газетной бумаги, вряд ли ты станешь ссориться с руководством города или губернии. Саня, несмотря на молодость газетчик уже опытный, знал, конечно, условия игры, негласно сформулированные для прессы в период суверенной демократии и властного тандема. Точнее сказать, на региональном уровне это были условия выживания, а не игры. Играть с пишущей и вещающей братией здесь не собирались, здесь просто душили любого строптивца. Если у кого-то возникло стремление пострадать за свободу слова и прочие «общечеловеческие ценности», то добро пожаловать! Но желающих было ничтожно мало. Даже записные фронтеры свято чтит границы дозволенного, четко понимая, на что им выдана санкция, а чего касаться они не смеют ни при каких обстоятельствах. Безусловно, все это Сане было прекрасно известно, и все-таки он не удержался — напоследок решил вставить пистон доставшему всех областному чиновничеству, рассчитав, что успеет убраться из города до того, как разразится скандал.

На журналистский подвиг Саню спровоцировало пришедшее в редакцию письмо, обличавшее злоупотребления в системе ЖКХ губернской столицы. Обитатели ветхого строения, расположенного в центре города (пусть и не на главной улице, но вполне престижно), жаловались на трещины в несущих конструкциях, на антисанитарию, царящую в подвалах и на чердаке, на ползущую из квартиры в квартиру плесень, на проблемы с электропроводкой, с канализацией... Короче говоря, «сталинский» дом умирал, неумолимое время вершило свой суд, и люди ничего не в состоянии были ему противопоставить. Все обращения жильцов в управляющую компанию заканчивались циничными отписками, никаких мер по спасению дома принципиально не принималось, вот и решились бедолаги писать в газету. По сути, в этом письме не было ничего нового. Редакционная почта ежемесячно приносит десятки подобных

посланий. Авторами их являются, как правило, деятельные старушки, правящие жильцами своего подъезда, как просвещенные государыни, или инициативные люди средних лет, находящиеся на пенсии по инвалидности. Этим категориям граждан, в отличие от большинства ответственных квартиросъемщиков, обескровленных изнурительной борьбой за существование, хватает времени и энергии для вхождения в затяжные, осложненные многочисленными привнесенными факторами исторические процессы, вроде тяжбы с ЖЭКом. Впрочем, есть еще одна категория жалобщиков — люди с явными отклонениями в психике. Но на этот раз Сане в руки попало письмо, неожиданно тронувшее душу. Написано оно было безыскусно, автор его, очевидно, не был знаком с выработанными в кляузном деле штампами, устойчивыми оборотами и стилистическими ухищрениями.

Станислав Михайлович Багдасарян излагал случай из жизни. Получив на выходные в свое пользование внучку, счастливый Станислав Михайлович, который не мог наглядеться на малышку, отправил супругу на рынок «за витаминами» и с упоением предавался девчачьим забавам; когда же время игр сменилось временем кормления, дед направился разогреть приготовленный обед. Стоя у плиты, Багдасарян услышал за стеной жуткий грохот и, ринувшись в комнату, обнаружил на полу, в нескольких сантиметрах от внучки, огромный пласт отвалившейся штукатурки весом в десяток килограммов. На потолке же зияла как бы полынья, в который была видна обнажившаяся дранка, словно недавно вышедшая из-под рубанка, едва-едва посеревшая за то долгое время, что прослужила людям. Инженер Багдасарян стоял как громом пораженный и не мог оторвать глаз от редко встречающегося в настоящее время образчика примитивной строительной технологии, прикидывая, сколько слоев штукатурки находится у него над головой. Станислава Михайловича внезапно осенило: за всеми этими слоями уложенные в решетчатый узор деревянные реечки не видели ни сменившей коллективизацию индустриализации, ни войны и последовавшего восстановления народного хозяйства, ни разоблачения культа личности, ни совнархозов, ни застоя, ни перестройки, а вот теперь неожиданно для себя глянули на белый свет и стали свидетелями становления новой демократической России. Все это настолько ошеломило Багдасаряна, что на несколько мгновений он вошел в ступор, но затем историко-хозяйственное изумление отступило на второй план. До инженера дошло, что под обломками советской империи едва не погибла единственная внучка! Дед бросился к ней, замершей на полу рядом со своими куклами, трагично одинокой и хрупкой среди белесого марева оседавшей меловой взвеси. Малышка даже плакать не смела, опасаясь, что грянувший с потолка удар есть наказание ей... Вот только за что?! В глазах девочки застыли слезки, закипавшие на веках, но до поры удерживаемые длинными пушистыми ресницами. Багдасарян прижал внучку к груди, и испуганные ритмы их сердец перекликались в прерывистой пульсации. В этот миг мужчина, потрясенный произошедшим до глубины души, понял, что кто-то должен за все ответить. Далее в письме шел ряд риторических вопросов: а если бы она сидела в другом месте?.. а если бы?.. а если?..

Видимо, это возмущенное послание, составленное доходчиво и проникновенно, показалось чрезвычайно убедительным соседям Багдасаряна — под очередным требованием наконец-то отремонтировать крышу подписались все как один. И Саня, знакомясь в редакции с коллективным обращением, тоже расчувствовался, живо представив себе беззащитную девчужку в мутном тумане висящей в воздухе побелки, среди груд обрушившейся штукатурки, которая чуть не погребла несчастную. Образ невинного создания, подвергшегося смертельной опасности, создавал яркий эмоциональный фон для запоминающегося, хлесткого газетного материала, содержащего рассуждения об агонизирующем жилищно-коммунальном хозяйстве и про-

зрачные намеки на процветающее в губернии казнокрадство. Случай был показательный и давал возможность, выжимая скупые читательские слезы, легко витийствовать по поводу безразличия верхов к судьбам простых граждан. Рука потянулась к перу, то бишь к клавиатуре редакционного компьютера...

Если бы по уму, то Сане не следовало писать ту статью. Помня о том, что ему повезло отыскать престижную и денежную работу в Москве, что он отрясает со своих ног пыль провинциального идиотизма, надо было наплевать на историю Багдасаряна и его внуки. Но живший в глубине души мальчишка-озорник подталкивал под локоть: пиши! пиши! И получился один из лучших текстов журналиста — злой, остроумный и по делу. Захотелось показать его людям. Опять ошибка, непростительная для человека, считавшего себя акулой пера! Ну, хорошо, вышло у тебя нечто приличное с точки зрения журналистики, но рискованное с точки зрения здравого смысла. Так оставь написанное для раздела «Из неизданного» в качестве образца стиля. Куда там! Понес на утверждение в печать!

А дальше все шло одно к одному. Как назло, главный редактор был в отпуске, визировала очередной номер его заместитель, Санина любовница. Когда Саня дал ей материал для ознакомления, Юлия Витальевна едва пробежала глазами по листам. Редакторша поняла, что статья посвящена острой и скользкой теме, коей касаться строго-настрого запрещено, но, зная Саню как человека, который не захочет ссориться с боссом, предположила, что в конце публикации автор как-нибудь вывернется, сообщив читателям, что губернское и городское начальство неизменно печется об обывателях, и обывателям здорово повезло с руководителями. К тому же, Юлия Витальевна была озабочена совсем не содержанием газеты, а своими интимными переживаниями по поводу предстоявшего отъезда Сани. Вступившая в балзаковский возраст дама использовала встречу с молодым человеком, явно дичившимся в последние дни, избегая оставаться с ней наедине, как повод для разговора об их отношениях. А тут и Саня неожиданно подыграл подруге, томно поводя глазками, мурлыча какие-то сальности. И что интересно: парень в тот момент действовал безотчетно, лишь впоследствии догадавшись, что пошлым флиртом спас свое творение, открыл ему дорогу к читателю.

Вот так вышла в свет газета с немисливо смелым заголовком, с красноречивыми фотографиями, с хищной статьей, вызвавшей немедленный и громкий резонанс в городе. Саня мог бы чувствовать себя героем, если бы ответная реакция властных структур не оказалась столь же немедленной и жесткой. Последовали длительные нудные разговоры с главным редактором, выволочки, угрозы... Да и это бы ничего — все забылось в Москве. Столичные впечатления затянули, словно илом, провинциальное прошлое: другие масштабы, полезные связи, интересные люди. Однако напомнила о себе периферия, напомнила внезапно и грубо, как она только и умеет делать: Саня получил повестку в суд, который привлекал его в качестве ответчика по делу о клевете, возбужденному жилищным комитетом администрации области. Комитет требовал от еженедельника письменного опровержения порочащих его сведений, а с Сани собирался взыскать ни с чем не соизмеримый штраф.

Саня поделился проблемами на новом месте работы. Ему посоветовали идти напролом, своей вины не признавать, бороться до конца и пообещали всемерную поддержку. К делу привлекли известного адвоката, выделили Сане в помощь опытного юриста и зубастых фельетонистов, которые должны были осветить в заметках «из зала суда» все вопиющие факты давления на прессу и самодурства провинциальных чинуш. Московская редакция уже поставила в план серию горячих публикаций и отчетов о судебном процессе. В задуманном цикле материалов вырисовывался бы при-

влекательный образ главного героя скандала — неподкупного журналиста, стоящего горой за либеральные ценности и страдающего от притеснений. Кто же защитит борца-страдальца? Только несущая людям свет истины газета, в которой он нынче работает! Получалось все очень ладно и кстати, поскольку чуткая редакция уловила настроение федеральных властей, стремившихся в преддверии выборов освободить себя от бремени ответственности за дуболомство и хамское воровство властей на местах.

Москва все чаще жеманно пеняла на самоуправство назначенных ею же глав регионов. Появляясь на телеэкранах, руководители государства недовольно морщились или сурово хмурили брови, когда им открывали глаза на злоупотребления в субъектах федерации. Проницательная часть медиасообщества все отчетливее понимала, что за всей этой мимикой скрывается неспособность навести порядок на нижних этажах властной пирамиды, ибо обуздать слой управленцев средней руки крайне трудно ввиду многочисленности и косности этого слоя, обладающего к тому же глубоко эшелонированной коррупционной обороной и партизанскими навыками круговой поруки. Кремлевские мечтатели устремлялись мыслью в преобразовательные выси, а действовать приходилось через передаточные механизмы неповоротливой и скрипучей административной машины (даже, скорее, телеги!), управляемость коей в России традиционно вызывает опасения. Поэтому федеральному руководству оставалось лишь брезгливо кривить лицо, когда речь заходила о подгнивающем фундаменте вертикали власти, и время от времени приносить на алтарь народного недовольства какого-нибудь местного хапугу из числа тех, кто бессовестно подводит оказавший им высокое доверие Центр. В стране разворачивалась широкая кампания с целью дистанцировать Кремль от провинциальных бюрократов, вызывавших глухое, но яростное раздражение избирателей. Произошло несколько громких отставок, и явно был намечен круг губернаторов и крупных чиновников, которым предстояло стать дальнейшей искупительной жертвой в борьбе за электорат. Отслеживая эту ситуацию, владельцы издания, где теперь публиковался Саня, увидели в завязавшейся вокруг него коллизии возможность подыграть московской партии, рассчитывая в дальнейшем на определенные предпочтения. Такой вот удачный вырисовывался тренд у этого судебного разбирательства, такой выгодный намечался мейнстрим.

Но тут нашла коса на камень, потому как истцы по Санину делу тоже сдаваться не собирались. Почуять бы провинциальным чиновникам, каков замах столичных журналистов, снизить бы накал страстей, спустить бы дело на тормозах. Так нет! Уперлись, не отступали ни на йоту от своих абсурдных требований. В чернильных душах разыграли амбиции: кто это там в наш монастырь со своим уставом лезет? как так? Тут все вокруг наше, и судья наш, и суд, и проиграть мы не имеем права!

Помимо агрессивно-животного желания не пустить чужака на свою территорию существовала и более серьезная подоплека разгоравшегося конфликта. Во-первых, процесс по иску областной администрации к начинающему журналисту должен был стать жупелом для других своевольников, чтобы еще раз убедились: за непослушание их обязательно накажут без снисхождения и срока давности; любое неповиновение немедленно повлечет за собой суровую кару, от каковой не спасет ничье покровительство. А во-вторых, предстоявший суд рассматривался в области как поле битвы, на котором руководство региона собиралось показать федералам свою силу, недвусмысленно заявить о своих законных интересах и неотъемлемых правах на контролируемый кусок государственного пирога. Местное чиновничество вылезало из окопов и поднималось в контратаку. А как же иначе? Время от времени надо напоминать центральной власти о необходимости учитывать в проводимой политике устремления автохтонных управленцев. И в самом деле, сложилась до обидного неспра-

ведливая, алогичная ситуация. Федеральная власть в погоне за телевизионными картинками счастливой жизни народа, за благостной статистикой спускает «на места» процентовки голосования, разрядки по введению в строй инновационных объектов, по освоению инвестиций, но при этом забывает, кто добивается чаемых рейтингов и презентуемых достижений. Ведь не из Москвы же приезжают начальники в какой-нибудь Волхренск открывать наноцех по производству нанопамперсов, и не московский требовательный баритон дает накачку председателю участковой избирательной комиссии в случае недостаточно триумфальной победы на выборах партии власти. А раз так, то извольте делиться своими столичными привилегиями и центровыми доходами. В этом был смысл послания (или как там говорят по-модному? месседжа, что ли?), направленного московской камарилье регионалами, собиравшимися растерзать писаку, посмеявшего твякнуть на хозяина. Поэтому суетилось вокруг суда над Саней множество чиновной рыбешки, а где-то далеко за стаями мелочи угадывалось скольжение грозной тени крупной рыбы — губернатора.

Саня, высаживаясь на перрон вокзала родного города с задорным десантом юристов-журналистов, еще не подозревал, что угодил между столичным молотом и провинциальной наковальней. Парень с ощущением бесшабашного азарта являлся на заседания суда, а после них строчил едкие отчеты о тупости и неуклюжести областной фемиды для интернет-приложения к своей газете. Наиболее интересные повороты дела освещались редакцией и в бумажном формате, так что Санино имя приобрело известность. А кроме растущей популярности еще одно грело душу: приятно было осознавать беспроегрышность своей позиции, ощущать надежную страховку со стороны влиятельных лиц и при этом представляться ущемленным в правах защитником гуманистических ценностей. Иногда на улице или в общественном транспорте Саня ловил на себе ободряющие взгляды, несколько раз к нему подходили незнакомые люди со словами поддержки и сочувствия. «Вот ведь,— думал Саня,— есть в нашей профессии радостные моменты! Верит же народ, до сих пор верит, что кто-то за него переживает, для его блага старается... Может, так оно и надо, чтобы подобные иллюзии все же жили в обществе?» Несколько дней именинное настроение не покидало Саню, и каждую свободную минуту он стремился проводить на публике: фланировал по знакомым улицам, устраивал разгульные встречи со старыми приятелями, активно общался с сочувствующими горожанами.

В таком веселом расположении духа Саня решил навестить коллег по еженедельнику, в котором работал до переезда в Москву. И когда блудный сын журналистики ступил под редакционную сень, сердце его забилося от нахлынувших воспоминаний, от удовольствия узнавания. Ничего здесь не изменилось: все та же ядовитоканареечная краска на стенах, предмет постоянных шуток представителей второй древнейшей профессии, изгалявшихся по поводу «желтой прессы» и «желтого дома», все те же авизо и распоряжения на доске объявлений, все те же люди... Неожиданно для самого себя Саня ощутил, что прикипел душой ко всему этому. И нелегко было смириться с возраставшей отчужденностью от привычного, но уже невозвратимого, ведь кое-кто из газетчиков постарался не заметить, не узнать бывшего сотрудника. Впрочем, некоторые, проходя мимо, приветствовали его или даже вступали в короткие ни к чему не обязывающие разговоры о том, как устроился парень на новом месте, как у него с жильем, о том, что у них все по-старому, никаких перемен... Про судебное разбирательство никто и словом не обмолвился. Саня прошел по всему длинному, извилистому коридору, который заканчивался тупиком — кабинетом главного редактора. Постоял здесь секунду, разглядывая витиеватую табличку на дверях, и направился в обратный путь, решив заглянуть в отдел, где некогда трудился. И тут все осталось без изменений! На столах неразобранные кипы бумаг, письма, фотогра-

фии, Юля Витальевна поблескивает модными очками за своим столом, Мишка сидит за компьютером с видом обреченного на казнь мученика.

— О! Привет! — оживленно воскликнул Мишка, обрадовавшись не столько приходу коллеги, сколько поводу отложить работу на неопределенный срок. Но в следующую секунду, безо всякого перехода, не меняя тона, сообщил, что его давно уже ждут корректоры, и испарился. Саня присел к столу на свое прежнее место и долго смотрел на Юлю Витальевну. Он не думал сейчас про ее отступничество: трудно ожидать самопожертвования от той, с кем сошелся не по любви, а из карьерных соображений, с кем и сам не был кристально честен. Глядя на нее, Саня, скорее, удивлялся: как это он в свое время оказался в одной постели с этой немолодой и некрасивой женщиной? Вспоминался давний зимний вечер, когда Саня отправился провожать начальницу после какого-то корпоративного торжества. Во дворе ее дома, в беседке, где они присели покурить, Юля вдруг склонила голову к нему на грудь. Влажный от таявшего снега длинный ворс ее меховой шапки лег Сане на лицо, забился в ноздрю. Это было неприятно, хотелось чихать. Но хуже всего было то, что доводил до тошноты исходивший от шапки стойкий запах табака, смешанный с запахом мокрой шерсти. И вот, вместо того, чтобы оттолкнуть Юлю Витальевну, Саня приобнял ее за плечи... Какое уж после этого морализаторство!

Бывшие любовники разглядывали друг друга, не произнося ни слова, и чем дольше продолжалось молчание, тем очевиднее становилось, что Сане следует встать и с достоинством удалиться. Однако он никак не мог решиться на это — глупым казалось уйти, ничего не сказав. Впрочем, и вопрос, заданный после затянувшейся паузы, оказался на редкость глупым:

— Юль, ну а чего так?

— А как? А как ты хотел? — Юля ответила мгновенно, как будто только и ждала от него подобной невнятицы. — Сам свалил из города, а нам за тебя отдуваться? Нет уж!..

Редакторша на секунду запнулась, подбирая слова, а потом вдруг резко и зло добавила: «Да пошел ты...» и выскочила в коридор, оставив Саню в сиротливом недоумении.

В другой раз ощущение своей ненужности и даже вредоносности для окружающих кольнуло сердце через несколько дней. Как-то вечером после очередного изматывающего своей нудностью и абсурдом заседания суда Саня, которому наскучило таскаться по городу, решил заглянуть к Багдасаряну, автору памятного письма, послужившего источником всех перипетий. Журналист поднялся по лестничным пролетам подъезда, носившего следы скоропалительного косметического ремонта, позвонил в квартиру, где уже был однажды, готовя материал к публикации. Багдасарян отворил дверь и замер на пороге. Саня рассчитывал, что его встретят как героя, как защитника, но инженер смотрел на незваного гостя, словно баран на новые ворота, и не только не приглашал войти, но вообще не произносил ни слова. Взгляд его отражал ужас, смешанный с недоумением и, пожалуй, даже обидой. «Не узнал, что ли? Или ошалел от неожиданности?» — подумал Саня и раскрыл было рот, рассчитывая сгладить возникшую неловкость хотя бы приветствием, но тут Багдасарян громко засопел, часто-часто заморгал, будто собираясь заплакать. В следующий момент дверь стремительно закрылась, оставив Саню перед смутным и причудливо искаженным собственным отражением на свежевыкрашенной нитрокраской плоскости. Эхо негостеприимного хлопка еще мгновение витало в кубатуре подъезда, затем и оно отлетело, а понуро стоящий на площадке чужак переживал конфуз в полном одиночестве.

После этого случая у Сани родилось ощущение, что кто-то расчетливый и злоб-

ный предвосхищает все его дальнейшие действия. Неведомый соглядатай не только предвидел каждый новый шаг журналиста, но и явно обыгрывал его, нещадно «давя на психику». Однажды после очередного заседания суда к Сане подошла молодая женщина, сидевшая на слушании позади представителя истца. (Саня даже знал ее когда-то, вот только не припоминал, где они могли познакомиться: то ли в детском саду вместе были, то ли в летнем лагере?) Подошла и безо всяких предисловий обрушила на парня упреки в непатриотичности, в снобизме, зазнайстве, безжалостности... Говорила женщина надрывно, как будто в самом деле внезапно преисполнилась благородного негодования, а ее неподвижные глаза-буравчики больно кололись. В первую минуту Саня оторопел от напора, в следующий момент в голову заползла мыслишка, что его визави в чем-то права, а затем неожиданно захотелось с ней согласиться, откровенно объяснить, как возникла ситуация, приведшая к такому неутешительному исходу. Настолько вдруг потянуло выговориться перед знакомой незнакомкой, что пришлось усилием воли сдерживать себя. В ответ на это усилие дикой кошкой метнулось в душе тоскливо-когтистое желание перечить, неистребимый врожденный дух противоречия заставил Саню разразиться ответной тирадой в защиту бесправных жителей разрушающихся домов. Собеседница резко развернулась и ушла, не дослушав. «Дураки какие,— подумал Саня о людях, подославших эту обвинительницу.— На что рассчитывают? На позабытое общее прошлое? Что они думают: я теперь должен растаять?» В том, что он на мгновение и впрямь подтаял, не хотелось признаваться даже себе самому.

Тем же вечером в квартире Саниных родителей, где молодой человек остановился на время процесса, стали раздаваться неприятные телефонные звонки. Сначала кто-то молчал и бросал трубку, потом притворно вкрадчивые голоса принялись сыпать предостережениями и смутными угрозами. Мать и отец с землистыми от волнения лицами умоляли сына отказаться от дальнейшей борьбы, предлагали даже разные варианты выплаты взыскиваемого по суду штрафа, вплоть до самых несуразных, вроде продажи своей жилплощади и переезда на дачу. Старикам все казалось, что еще можно откупиться от надвигавшейся беды.

Каждый день длительного судебного разбирательства приносил новые неприятные эмоции. Дело вязло в трясине подробностей, и становилось очевидным, что провинциальная юриспруденция своей неспешностью и рутинной одолевает напор приезжих ухарей. Разговорчивые помощники Сани из Москвы приуныли, оказавшись в захолустной обстановке. К тому же стало понятно, что дело далеко не такое плевое, как им представлялось перед командировкой — линия защиты прогибалась, процесс стал пробуксовывать, затягиваться, интерес к нему притуплялся.

Саня психовал, не желая мириться с участью подсудимого. Если бы не было рядом группы поддержки, если бы не боялся испортить так удачно начавшуюся карьеру столичного журналиста, он уже отказался бы от противостояния с властью. Нажим, оказываемый на него, был несильный, но действенный, и ответчик начал уже продумывать, как можно будет выйти из игры без потери репутации, без ущерба для имиджа. Но беспроектного варианта не находилось. Саня негодовал на чиновников, затеявших с ним такую жестокую и бесталанную игру: «Ну, предложите мне достойный выход! Я уже готов. Нет, идиоты — они и есть идиоты. Ничего путного не умеют делать!»

Кроме нервного возбуждения еще одно обстоятельство придавало Сане сил, позволяло не терять надежду на то, что сможет еще перетерпеть, переупрямить, выиграть: он видел, что и противная сторона достаточно измотана затяжным процессом. Судья, разбиравшая Санينو дело, от заседания к заседанию становилась все беспокойнее, желчнее. Ей пора было выносить постановление, а ушлые москвичи цепля-

лись к каждой формулировке, козыряли своей начитанностью, опытом. Это задевало самолюбие не в меньшей степени, чем необходимость выполнять заказ губернатора. А куда денешься?! Хотелось скорее скинуть с себя удавку ответственности, переложить решение на суд вышестоящей инстанции, и пусть там разбираются, если захотят. Пусть даже сделают ей выговор за некачественное ведение процесса, но только возьмут на себя бремя окончательного приговора. И судья, не выверив досконально свою позицию, поспешила назначить заседание, на котором мучительная для всех тягомотина должна была, наконец, прекратиться.

Здание суда располагалось неподалеку от того дома, из-за которого разгорелся весь сыр-бор. Подходя к дворцу правосудия, Саня и его присные с язвительными улыбочками отметили: за время, прошедшее после начала слушания, образец сталинского ампира был покрашен ядовитой зеленой краской, лепнина ярко белела, крыша шеголяла новым шифером, а на одном из крошечных декоративных балкончиков появилась спутниковая «тарелка». Рядом с ней красовался написанный от руки плакат: «Спасибо за уют!» «Подготовились, гады!» — отметил про себя Саня.

Этот судный день был особенно утомителен монотонностью. Все так же дудел в свою дуду прокурор, все так же Санины адвокаты изошрялись в правовой казуистике и красноречии, все так же упорствовала судья в неприятии очевидных обстоятельств. Перспектива благоприятного для Сани исхода становилась все более и более сомнительной, и журналист с бессильной злобой осознал, что, очевидно, стал битой картой в игре, изначально сулившей соблазнительный куш.

Ближе к вечеру был объявлен перерыв. Саня вышел на облицованное гранитом крыльцо. Сигаретный дым показался горек, как вкус поражения. Раздражал запах свежей краски, которой был покрыт фасад злополучного дома напротив. Напоминаая флаг чужой страны, трепетал на ветру лист ватмана с надписью «Спасибо за уют!» Рядом с Саней защелкала зажигалка, прошел мимо, кивнув из-за дымовой завесы, Зеленко — один из сотрудников администрации, знакомый Сане еще по прежним редакционным заданиям. Геннадий Степанович иногда помогал начинающему корреспонденту, порой «сливал» интересную информацию, от чего-то предостерегал, что-то советовал. Саня считал Геннадия Степановича одним из немногих толковых людей в бюрократической среде: и человеческие качества тот не до конца растерял, да и продиктованное опытом взвешенное отношение к жизни вызывало симпатию. Чиновник и газетчик постепенно перешли на «ты» (хотя администратор был значительно старше), почти подружились. Но после прерванного на несколько месяцев общения, после начала суда Зеленко делал вид, что не знаком с молодым человеком. Поэтому появление его рядом Саня расценил как знак того, что Геннадию Степановичу, видимо, поручено донести до опального журналиста что-нибудь важное. Тогда Саня сам пошел на контакт, обронив между затяжками как бы нехотя:

— Что скажешь, Степаныч?

— Да что говорить... Ты сам не маленький, понимаешь, что творишь,— без какой бы то ни было заинтересованности отозвался Зеленко.— Брось ты это дело. Ничего у тебя не получится. Московские тебя кинут, а наши не отстанут. Будешь штраф выплачивать — никто не поможет. Пока еще можно договориться. Отойди в сторону, найди в Москве другую работу, да и все.

Степаныч говорил тихо, как бы сам с собой, глядя в пространство, но налетевший порыв ветра отнес струйку табачного дыма прямо в лицо, отчего Зеленко прищурился, отвернулся в сторону и тут перехватил потерянный взгляд прежнего знакомого. Грустная и чуть сочувствующая усмешка промелькнула на лице старого аппарата.

— Ты что... ждешь каких-то конкретных предложений? — обратился он к Са-

не.— Брось! Просто сдавайся и беги. Никто с тобой церемониться не будет. Ты тут на фиг никому не нужен. Сам о себе думай. И учти, меня никто ни на что не уполномочивал.

— Врешь ты, врешь, Степаныч! — Саня разгневался вдруг и всерьез.— Не зря ты около меня трешься. У вас без расчета ничего не делается. Только я тебя слушать не стану. И передай тем, кто тебя подослал, что я их не боюсь.

— И давно ты таким смелым и принципиальным стал? Мне-то не втирай! Не знаю я тебя, что ли? В нашем городе все спят под одним одеялом, так что подноготная твоя известна.

— Ты же неглупый мужик, Степаныч! Очнись же ты! Вам всем пора очнуться. Оглянись вокруг! Ведь эти ваши свежевыкрашенные дома скоро падать начнут! Люди же погибнут! А вы все набиваете, набиваете карманы, все наживаетесь за счет этих несчастных. Совесть-то должна же проснуться когда-нибудь! Да добро бы вы обогатились чрезмерно, а то всего вашего воровства хватает на шпильки женам да на лифчики любовницам. Мало того, что народ не цените, так и себя ни в грош не ставите. Ведь это стыдно, стыдно!

Праведный гнев душил Саню, он был настолько пассионарен, произнося свою филиппику, что пафос его подействовал даже на такого чиновного зубра, как Зеленко: тот стал как-то затравленно оглядываться по сторонам. А Саня продолжал наседать:

— Вот посмотри на эти дома, посмотри! Люди в них не живут, а мучаются на жалких квадратных метрах, а скоро эти дома для них могилой станут. Это же понимать надо! Ведь разваливается все на глазах. Это же надо сейчас предотвратить, сейчас, пока не поздно!

В запале обвинительной речи Саня размашисто жестикулировал, указывая на окружающие постройки. И тут по мановению его руки одно из зданий — не тот дом, в котором чуть было не пострадала внучка Багдасаряна, а возведенный в брежневскую эпоху серый двухэтажный чертог, стоявший чуть ближе,— стало с гулом рассыпаться. Саня обернулся на шум и увидел на ладони своей растопыренной пятерни, патетически указывавшей на ветхий квартал, разрушавшуюся панельную коробку. Ужасающая фантазмагория продолжалась секунду, не более, но то была самая длинная секунда в жизни Сани.

Давшее осадку строение имело сложную судьбу. Изначально в нем располагался детский сад. В девяностые, когда всем стало наплевать и на детей, и на сады, здесь разместили сотрудников отдела образования Советского района города. Потом показалось кому-то, что слишком много места для мелких клерков — не по статусу. И «подселили» к ним детскую спортивную школу, благо на первом этаже сохранились помещения, в которых можно было заниматься с малышами. Одно из таких помещений открылось взору Сани за панелью, отвалившейся так же легко, как стенка карточного домика.

Мальчики и девочки в белых маечках и черных трусиках, поставивши руки на пояс, двигались по кругу. Дети с удивлением глядели на открывшийся вдруг их взорам городской пейзаж, но не останавливались, доверчиво полагая, что так надо. Не успел разобраться, что происходит, и тренер, командовавший: «Раз... раз! Смотрите на Настю! Молодец!» С этими словами юноша с крепким торсом повернулся, и остолбенел, встретившись взглядом с Саней. Спортсмен глубоко вдохнул, чтобы отдать новую команду, но в этот момент рухнула оставшаяся часть стены, скрыв всю промелькнувшую картину за клубами строительной пыли.

Все это вершилось так замедленно, так по-киношному, что Саня в пылу спора с Зеленко не сразу осознал, чему стал свидетелем. В нем по-прежнему кипело возмущение, он подыскивал аргументы, чтобы втолковать Геннадию Степановичу свою

позицию, сердился на себя за то, что не сразу находил нужные слова. Разрушавшееся здание воспринималось лишь удачной иллюстрацией к высказанным обвинениям, и молодой человек как-то даже вдохновился происходящим — это подтверждало его правоту. Он возвысил голос и с торжественной убедительностью провозгласил:

— Вот видишь! Видишь! Надо всего этого избежать сейчас, пока страшного еще не случилось!

И только произнеся эту реплику, Саня осмыслил, что все как раз случилось, случилось нечто настолько страшное, что и думать об этом не хотелось. До конца еще не веря в реальность чудовищного события, произошедшего у него на глазах, журналист замолчал и требовательно смотрел на Зеленко, как бы ожидая от него разубеждения, но опрокинувшееся лицо чиновника лишь удостоверяло, что творящийся кошмар не наваждение и не дурной сон. Степаныч побелел, поперхнулся сигаретным дымом, отшвырнул окурок, как бы стараясь этим жестом оттолкнуть от себя пугающее зрелище, и с выпученными глазами и трясущейся челюстью бросился бежать. Какое-то время Саня тупо смотрел туда, где только что стоял его собеседник. Потом, боясь бросить взгляд на место катастрофы, зафиксировав голову до такой степени неподвижно, что свело мышцы шеи, повернувшись всем корпусом, механически переставляя ноги, вошел в вестибюль здания суда. Передвигаясь словно робот, Саня направился к сидевшим за стеклянной перегородкой людям из своей московской компании. Те, уставившись на мерцавшую «плазму», не заметили его приближения, а предельный режим громкости мешал им услышать грохот обвала. Правозащитники и журналисты с азартом обсуждали новостной сюжет местного телевидения, в котором привычно восхваляли губернатора, приписав ему заслуги совсем другого человека. Один из адвокатов, позади которого остановился Саня, оглянулся и подмигнул ему в полной уверенности, что отсутствующее выражение лица клиента является реакцией на увиденное по «ящику».

— Знаешь уже? Лихо, да? — самодовольно улыбаясь, проговорил юрист. — Ну, ничего, мы их уделаем! Вот увидишь: уде-е-лаем!

— Там... — проговорил Саня, неопределенно и робко разводя руками. — Там...

Он больше не в силах был произнести ничего. «Там... — твердил он, — там... там...» Он повторял это бесчисленное количество раз. Поднялись со своих мест и подошли к Сане его компаньоны, тормозили парня, пытаясь разобраться, в чем дело. Кто-то ворвался в вестибюль с улицы и страшно кричал, призывая на помощь. Все, кто здесь находился, включая дежурного милиционера, бросились вон, и Саня остался один. Он, не мигая, глядел на телевизионный экран, с которого что-то вещал губернатор, и повторял лишь одно: «Там... там... там...»

